

УДК 340

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ОБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Быстрикова Полина Юрьевна

студентка 4 курса

научный руководитель: **Кузьмина Мария Вячеславовна**

кандидат юридических наук, доцент

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. Теоретические аспекты формирования новых объектов правоотношений освещают ключевые моменты, касающиеся динамики развития правовых отношений в современном обществе. В последние десятилетия в мире наблюдается стремительный рост новых явлений и объектов, требующих правовой регуляции. В работе рассматриваются теоретические основы, на которых базируется формирование новых объектов правоотношений. Анализируется влияние технологических, экономических и социальных факторов на эволюцию права, ставится акцент на необходимость адаптации правовых норм к новым вызовам. Изучены последствия, вытекающие из появления новых объектов, таких как цифровые права, криптовалюта и искусственный интеллект. Подчеркивается, что эти изменения обусловлены не только научно-техническим прогрессом, но и изменениями в социально-экономических условиях, а также требованиями общества к защите прав его членов.

Ключевые слова: правоотношения, объекты правоотношений, цифровые права, криптовалюта, искусственный интеллект.

Формирование новых объектов правоотношений представляет собой важнейший аспект правовой теории и практики, отражающий динамичное развитие общества, технологий и экономики. В последние десятилетия в мире наблюдается стремительный рост новых явлений и объектов, требующих правовой регуляции. Это связано с развитием науки и техники, изменениям в социальных и экономических условиях, а также с потребностями общества в защите прав и свобод его членов.

В современном мире наблюдается стремительный рост новых явлений, которые требуют пересмотра традиционных правовых концепций и норм. Эти новые объекты могут включать в себя цифровые активы, такие как криптовалюты, интеллектуальную собственность в цифровом формате, а также разнообразные интернет-сервисы и платформы.

Алексеев С.С. под объектом правоотношений понимает то реальное благо, на использование или охрану которого направлены субъективные права и юридические обязанности [6, с.480].

Как отмечает Наумов С.Ю., юридическая наука выработала различные подходы к пониманию объекта правоотношения. Наиболее распространенные и обоснованные из них: монистическая и плюралистическая концепции. Согласно первой концепции объектами правоотношения могут являться исключительно действия субъектов, так как юридические нормы способны регулировать лишь действия людей. То есть, поведение человека, согласно данной концепции, является общим объектом для всех правоотношений.

Вторая концепция более реалистичная и распространенная. Согласно ей объекты правоотношений так же разнообразны, как многообразны общественные отношения, регулируемые правом.

Так, объектами правоотношений являются:

а) материальные блага - различные предметы, вещи, имущество (жилое помещение, автомобиль и т.д.), удовлетворяющие материальные потребности человека. Эти объекты характерны для гражданских правоотношений;

б) нематериальные личные блага (жизнь, честь, достоинство, свобода, безопасность, неприкосновенность человека), характерные для уголовных, гражданских и процессуальных правоотношений;

в) поведение субъектов и его результаты - действия или бездействия субъектов, различные услуги и т.д. Данные объекты характерны преимущественно для административных, хозяйственных правоотношений и других;

г) продукты духовного творчества (произведения литературы, искусства, научные открытия, изобретения и т.д.) - объекты интеллектуальной собственности;

д) ценные бумаги, официальные документы (акции, векселя, деньги, дипломы, аттестаты и т.п.), которые характерны для финансовых, хозяйственных, гражданских и иных правоотношений [10, с.197].

Как отмечалось ранее, цифровые технологии в современном мире развиваются с такой высокой скоростью, что многие области общественной жизни не успевают оперативно приспосабливаться к новым условиям.

Одной из основных проблем является недостаточная адаптированность существующего законодательства к новым реалиям. Правовые нормы, созданные для регулирования традиционных объектов правоотношений, зачастую оказываются неэффективными для охвата новых явлений. Например, много вопросов вызывает правовой статус криптовалют. Существующее законодательство в большинстве стран не дает четкого понимания, как следует

регулировать операции с такими активами, как обеспечивать их бухгалтерский учет, налогообложение, защиту прав потребителей. Как отмечают Цинделиани И.А. и Нигматулина Л.Б., Российская Федерация относится к числу стран, в которых регулирование криптовалют отсутствует или находится в стадии становления [13, с.18].

В Германии криптовалюта рассматривается как финансовый инструмент, представляющий собой форму «частных денег». Для ее использования в коммерческих целях необходимо получение лицензии, а вырученная прибыль подлежит налогообложению. Законодательство Швейцарии приравнивает виртуальную валюту к иностранной валюте. Финансовые операции с ней не подлежат лицензированию, но купля-продажа на коммерческой основе криптовалюты требует получения специального разрешения [14, с.5].

Необходимо также разрешение вопроса об отнесении информации к объектам правоотношений, поскольку она затрагивает множество аспектов, связанных с правами и обязанностями субъектов правоотношений. В последние годы, в условиях стремительного развития цифровых технологий, множество вопросов касается правового регулирования информации ее статуса в гражданском обороте.

Ранее статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации признавала информацию самостоятельным объектом гражданских прав [1], но в связи с введением в силу части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации данное положение об информации было исключено из статьи.

Е.Н. Насонова отстаивает точку зрения о необходимости выделения информации в качестве самостоятельного объекта гражданских правоотношений, обосновывая необходимость выделения информации, учитывая развитие общества и превращение её в инструмент воздействия на имущественные отношения, существующие в обществе [9, с.15]. Е.А. Суханов считает, что информация не может считаться самостоятельным объектом, поскольку сама по себе она представляет собой абстрактное понятие и может быть защищена только при наличии охраноспособности, то есть способности становиться предметом имущественных отношений [12, с.95].

Также необходимо отметить, что многие новые объекты правоотношений часто пересекаются с существующими правовыми институтами, что создает правовую неопределенность. К примеру, использование блокчейн-технологий в различных сферах бизнеса может как облегчить, так и усложнить вопросы регулирования. Отсутствие четких правовых рамок может привести к правовым спорам и затруднениям в защите прав и законных интересов участников сделок.

Не менее важным является и вопрос о соблюдении прав граждан в условиях новых технологий. Распространение больших данных и автоматизированных процессов может

привести к нарушениям прав на частную жизнь и защите данных. В связи с этим актуальным становится вопрос о необходимости разработки новых правовых механизмов, направленных на защиту личной информации пользователей и обеспечение их прав в цифровом мире. Необходимо отметить, что в 2019 году Федеральным законом от 18 марта 2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [2] в Гражданский кодекс Российской Федерации был введен новый объект гражданских прав - «цифровые права», который был обусловлен технологическим развитием, породившим совершенно новое явление. С 01 января 2020 года вступил в силу Федеральный закон от 02 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], а с 01 января 2021 года Федеральный закон от 31 июля 2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. Этими актами был введен новый объект гражданских прав - цифровые права, а также два его вида - утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы.

До принятия Федерального закона от 18 марта 2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в российской правовой системе начали формироваться общественные отношения, связанные с цифровыми правами, которые ранее не требовали правовой регламентации. Их участниками являлись анонимные цифровые субъекты, действующие в виртуальном пространстве.

Введение термина «цифровые права» в российское законодательство изначально обуславливалось желанием подобрать термин, который бы лучше отражал отечественные правовые традиции.

Оформление цифровых прав как объекта правоотношений в Российской Федерации можно разделить на несколько этапов:

1. Первый - начинается с конца 1990 годов и начала 2000 годов, когда в России только начинала развиваться цифровая экономика и появлялись первые элементы правового регулирования. В начале 2000 годов под цифровым правом понималась достаточно узкая категория [11]. Условно можно считать началом развития цифровых прав в России принятие Федерального закона от 10 января 2002 №1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» [5].

2. Второй этап, охватывает 2010-е годы, он связан с быстрым развитием технологий и ростом влияния интернета на жизнь общества. В это время пришло осознание необходимости более детального регулирования в области цифровых прав. Появились новые законы, которые

касаются защиты персональных данных. Началась разработка законодательства по кибербезопасности и регулированию криптоактивов.

3. Третий этап условно начался с закреплением категории «цифровые права» в российском законодательстве в 2019 году. Как отмечает Конобеевская И.М. все виды цифровых прав, предусмотренные российским законодательством, имеют связь с традиционными объектами гражданских прав. Несмотря на то что сами цифровые права формируются и функционируют исключительно в рамках информационной системы, их жизненный цикл завершает свое существование в «материальном мире», то есть в контексте традиционных гражданских прав [8, с.72].

Особого внимания заслуживает также нейросетевое программное обеспечение, нередко именуемое «нейросетью» или «искусственным интеллектом». Проблемы, касающиеся развития систем искусственного интеллекта на сегодняшний день, имеют в основном этический характер. В контексте правовых аспектов актуальным становится вопрос о правомерности использования искусственного интеллекта вне установленных правовых норм. В частности, ведутся обсуждения по поводу возможности применения таких технологий для облегчения совершения правонарушений.

Тем не менее, недостаточно внимания уделяется вопросу определения правового статуса данного явления. Может ли нейросетевое программное обеспечение в будущем стать объектом права, учитывая, что его возможности со временем значительно превосходят те, что были заложены на этапе разработки. Интересен также вопрос о том, какой объект следует считать охраняемым - первоначальный алгоритм, обеспечивающий процесс работы «нейросети», или же конечную программу.

В юридической литературе существует несколько подходов к определению правосубъектности «нейросети», а именно:

- формально-юридический подход, который заключается в том, что в соответствии с законодательством Российской Федерации субъектом права может являться только юридическое или физическое лицо. Соответственно, «нейросеть» будет являться объектом права, а автором будет признаваться лицо, создавшее первичную программу;

- технологический подход, основанный на разработке так называемого «электронного лица», предполагает наделение этого объекта ограниченной правосубъектностью. В результате этого в определенный момент происходит трансформация объекта права в субъект, что порождает множество вопросов. Эти вопросы касаются не только определения юридического статуса, но и оценки стоимости данного объекта, правомерности использования конечного продукта, а также возможности совместной ответственности как автора, так и «электронного лица» в случае нарушения прав третьих лиц;

- распространение концепции «плода», относящейся к теории имущественных правоотношений. В данном случае применимо правило о «вещах, создаваемых вещью», однако существует проблема невозможности применения норм вещного права к правоотношениям по поводу создания и использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации по аналогии, что делает данную концепцию неприменимой при отсутствии адаптации норм гражданского законодательства [7, с.9].

Таким образом, вопрос о статусе «нейросети» остаётся открытым, что во многом связано с нерешенностью проблемы определения статуса информации.

На этапе формирования новых объектов правоотношений необходимо учитывать несколько ключевых теоретических аспектов.

Во-первых, важно понимать, что любой новый объект правоотношений должен быть четко определен и классифицирован в рамках существующих правовых систем. Это поможет законодателю выработать соответствующие нормы права, которые будут обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан. Необходимо также учитывать специфические характеристики новых объектов, такие как их материальная или нематериальная природа, а также степень их влияния на общественные отношения.

Во-вторых, важным аспектом является необходимость адаптации существующих правовых норм к новым реалиям. С развитием технологий возникает необходимость в разработке новых нормативных инструментов, регулирующих отношения, связанные с этими явлениями. Это требует от законодателей и правоведов не только глубокого анализа существующих норм, но и предвидения возможных последствий внедрения новых объектов в правовую систему.

Третьим аспектом является соотношение нового и существующего в праве. Формирование новых объектов правоотношений зачастую ставит под сомнение традиционные подходы к правовому регулированию. Необходимо искать баланс между инновациями и соблюдением правопорядка. Это требует от правозащитников гибкости и креативности в подходах, что может включать как адаптацию действующих норм, так и создание совершенно новых правовых институтов.

Кроме того, следует учитывать международный контекст. Многие новые объекты и явления требуют координированных действий на международном уровне, что в свою очередь влечет необходимость гармонизации правовых систем различных стран. Например, в контексте интернет-технологий и цифровых активов важным становится согласование подходов разных стран к вопросам защиты прав пользователей, собственности и ответственности за ущерб.

В условиях цифровизации для правовой системы Российской Федерации характерна неопределённость и неготовность к кардинальным цифровым переменам. В России возникают

дискуссии о законодательном закреплении новых объектов правоотношений, например, криптовалюты.

Разница в восприятии новых объектов правоотношений в Российской Федерации и в других странах может быть обусловлена рядом факторов, включая историческую, культурную, правовую и социальную специфику. В России, как и в многих других странах, правоотношения развиваются под воздействием различных факторов, однако общий контекст и подходы к новым объектам часто имеют свои уникальные черты.

В России существуют определённые рамки для восприятия новых объектов правоотношений. Российское законодательство более консервативно, и инновации в праве могут внедряться медленнее, чем в некоторых других странах, где продолжают активно развиваться институты, связанные с новыми технологиями и их правовым регулированием. Например, такие страны, как США или Великобритания, Германия имеют более гибкие механизмы правового реагирования на появление новых объектов, в них оформление некоторых объектов правоотношений происходило быстрее, например криптовалюты[13, с.18].

Кроме того, стоит отметить и различия в правоприменительной практике. В России судебная система, как правило, более централизована и зависит от интерпретации законодательства различными инстанциями. В странах с более независимой судебной системой судьи могут иметь большую свободу действий в оценке новых объектов права, что позволяет более динамично реагировать на изменения в общественной жизни.

Экономический контекст также играет значительную роль. В условиях санкций и экономической нестабильности, с которыми сталкивается Россия в настоящее время, новые объекты правоотношений воспринимаются с настороженностью и даже недоверием со стороны бизнеса и властей. Вместе с тем, в других странах, испытывающих стабильный экономический рост и высокую степень доверия к новым технологиям, таких как в некоторых странах Азии, новые объекты правоотношений могут получать более активное развитие и внедрение.

Таким образом, теоретические аспекты формирования новых объектов правоотношений демонстрируют, насколько динамичным и многообразным является современное правоприменение. Этот процесс требует знаний, гибкости и креативности от правоведов, которые стремятся создать эффективную и справедливую правовую систему, способную адаптироваться к вызовам времени. Однако успешная реализация этих аспектов возможна только при условии взаимодействия всех участников правовой системы: государства, общества и научного сообщества.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (в редакции от 30.11.1994) // Российская газета. -1994. - № 238-239.
2. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. - 2019. - № 60.
3. Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в редакции от 08.08.2024) // Российская газета.- 2019. - № 172.
4. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в редакции от 28.12.2024) // Российская газета.- 2020. - № 173.
5. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» (утратил силу) // Российская газета. - 2002. - № 6.
6. Алексеев С.С., Архипов С.И., Игнатенко Г.В. Теория государства и права: учебник для вузов. - 3-е издание, переработанное и дополненное. - М.: НОРМА, 2005. - 757 с.
7. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // ИС. Авторское право и смежные права. - 2017. -№ 12. - С. 7 - 18.
8. Конобеевская И.М. Развитие концепции цифровых прав в российском гражданском законодательстве // Юридическая наука. - 2020. - №10. - С. 70-74.
9. Насонова Е. Н. Информация как объект гражданского права: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук (12.00.03) - Насонова Елена Николаевна. - Москва, 2002. - 185 с.
10. Наумов С.Ю. Общая теория государства и права: Учебник. - Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханов, 2018. - 391 с.
11. Рожкова М.А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве // Право цифровой экономики - 2021. - № 17. - С. 10-68.
12. Суханов Е. А. Объекты права собственности // Закон. - 1995. - № 4. - С. 94-98.
13. Цинделиани И.А., Нигматулина Л.Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. - 2018. - № 7. - С. 16-23.
14. Хайек Ф.А. Частные деньги. // Б. м.: Институт национально модели экономики, Б. г. - 1996. - 229 с.